Флоря Б.Н.

Материалы к биографии Ивана Бегичева[I]

В 1898 г. А.И.Яцимирский издал по рукописи принадлежавшего ему сборника середины ХУП в. неизвестное литературное произведение первой половины ХУП в., которому он дал условное названием "Послание о видимом образе божием"[2]. Послание заканчивалось тайнописью, содержавшей имя и фамилию автора: Иван Бегичев.

А.И.Яцимирский правильно оценил послание как интересное свидетельство об образованности и культурных интересах светских людей первой половины ХУП в. Поводом к написанию этого произведения послужил спор двух дворян во время охоты о значении текстов 33 главы библейской книги "Исход", в которых говорилось, что на горе Синай бог говорил с Моисеем "лицом к лицу" и показал ему "задняя своя". Если один из дворян, обозначенный в списке Яцимирского, как "имярек", склонен был понимать эти тексты буквально, то другой, автор послания Иван Бегичев, полагал, что бог недоступен человеческому восприятию ("плотскому смотрению") и что с Моисеем беседовал ангел. Между этими дворянами и ранее были столкновения (Бегичев вспоминал в одном из мест послания, что в "мимошедшия времена" - "многая моя неистовства и досады обретена быша пред тобою"), но на этот раз спор приобрел особенно острый и опасный для Бегичева характер. Противник, нашедший себе сторонников среди общих знакомых, обвинил Бегичева в "отступничестве" от православия: если он не верит в доступность бога че-

---

[I]Приношу благодарность М.Г.Кротову за помощь при поисках материалов о Бегичеве.

[2]Яцимирский А.И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божьем - Чтения Общества истории и древностей Российских, 1898, кн. П (текст послания - с. I-I3),

ловеческому восприятию, то он не верит и в схождение Христа на землю и его воплощение в человеческом образе.

Послание было ответом на это, грозившее Бегичеву самыми тяжелыми последствиями, обвинение. Хотя его противник стоял на лестнице социальной иерархии явно выше Бегичева (автор послания называл его "милостивым государем моим"), Бегичев был далек от того, чтобы признать его правоту и каяться в своей вине. Отметая обвинения по своему адресу, как клевету, он рекомендовал своему знатному оппоненту "учити и вразумляти не буестию и не злосердъством и не оклеветанием без правды, но благостию, и быти кротку и милостиву и незазорну". Следует не браниться, а подтвердить свою правоту разумными аргументами.

Сам Бегичев именно так и поступил, приведя ряд теологически-философских доводов в пользу своей точки зрения. Говоря о недоступности бога, как высшего начала, для всех возможных видов познания, он ссылался на Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина. Обращаясь к "видениям" пророков Исайи и Иезекииля с их подробным описанием бога восседающего на троне в окружении ангельских чинов, автор послания, цитируя сочинение Дионисия Ареопагита "О небесной иерархии" и Толкования Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова, квалифицировал их как "гадания и образы", создаваемые для них ангелом, который "в мечтание приводит мнящихся видети".

Писание не лжёт, говоря о встрече бога с Моисеем, но его не следует понимать буквально ("писмя умерщвляет, а дух живит"). Если воспринимать библейский текст буквально, то можно поверить и в беседу дьявола с богом, о которой говорится в книге Иова, а ведь "дьяволу невозможно к свету божию ни приближитися".

В книге Бытия написано так: "единого жестокосердия ради и неистовства и безмернаго неверства Иудейскаго ... аще бы ведали, яко ангел предал закон Моисею, то бы ни во едином Моисею веру не яли, и ангела бы обоготворили".

Этот краткий обзор содержания послания показывает, что в споре был поднят важный не только теологический, но и общефилософский вопрос о способах общения человека с высшим божественным началом, а автор послания обнаружил хорошее знание не только библейских текстов, но и раннехристианской и средневековой традиции их комментирования, цитируя сочинения целого ряда первоклассных авторитетов в этой области. Об отличном знании (знании отнюдь не механическом) этого круга сложных теологических текстов говорит и наблюдение А.И.Яцимирского, что известные ему источники Бегичев не цитирует дословно, "но излагает по большей части своими словами сжато и всегда удачно"[1]. Для русского общества первой половины ХУП в. светский дворянин со специальным интересом к философским аспектам теологии представлял собой новый культурный тип. Пример этот тем более важен, что в отличие, например, от имевшего аналогичные интересы кн. И.А.Хворостинина, Бегичев, как мы увидим далее, не принадлежал к верхам московской знати.

А.И.Яцимирский был первым, кто пытался установить личность Ивана Бегичева. Обратившись к источникам первой половины ХУП в. А.И.Яцимирский обнаружил там сведения по меньшей мере о пяти живших в это время дворянах, носивших такое имя и фамилию. Издатель послания не сделал выбора в пользу одного из них и вопрос об авторстве послания остался открытым. В следующем, 1899 г., И.Е.Забелин опубликовал сообщение о обнаруженном им новом списке

---

[1] Яцимирский А.И. Указ. соч., с. У.

послания. Если в списке А.И.Яцимирского оппонент, которого Бегичев убеждал в своей правоте, постоянно обозначался, как "имярек", то в списке И.Е.Забелина послание было адресовано "Многомилостивому государю моему Семену Лукьяновичу". "Семена Лукьяновича" И.Е.Забелин отождествил с царским стольником Семеном Лукьяновичем Стрешневым, шурином царя Михаила[I]. Одна, не отмеченная Забелиным, деталь делает эту идентификацию бесспорной: в послании упоминается "вотчина" адресата – Черная Грязь[2], а поселение Черная Грязь (будущее Царицыно) в 1632/3 г. было продано из дворцовых земель в вотчину окольничьему Лукьяну Стрешневу, отцу Семена Лукьяновича[3]. Поскольку Семен Лукьянович Стрешнев был царским стольником (царским стольником был и, как установил уже А.И.Яцимирский, упомянутый в числе противников Бегичева Никифор Воейков)[4], то естественно, что и автора послания И.Е.Забелин стал искать среди представителей этого чина, отождествив его с царским стольником Иваном Ивановичем Бегичевым. О нем было известно, что он в 1643 г. бежал в Литву[5], и И.Е.Забелин признал вероятной причиной побега его спор с С.Л.Стрешневым[6]. Атрибуция И.Е.Забелина была принята В.П.Адриановой-Перетц[7], а затем и дру-

---

[I] Забелин И.Е. Заметка о послании Ивана Бегичева. – Археологические известия и заметки, т. 7, № I–2. М., I899, с. 3–4.

[2] Яцимирский А.И. Послание..., с. 2.

[3] ЦГАДА, ф. I374 (Кантемиров), оп. I, № 308, л. 2.

[4] Яцимирский А.И. Послание..., с. П.

[5] Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., I853, с. 54.

[6] Забелин И.Е. Заметка..., с. 5–6.

[7] Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XУП в. М.-Л., I937, с. I63–I64.

гими учеными. Между тем, хотя в пользу такой атрибуции имеется ряд веских доводов, полностью доказанной ее пока считать нельзя. Так, действительно в боярской книге 1629 г. против имени И.И.Бегичева имеется помета "151-го (т.е. в 1642/3 г.) изменил, отъехал в Литву"[I], но причина отъезда в записи не указана. Не дает бесспорных доводов в пользу гипотезы Забелина и анализ послания. Правда, автор послания говорил о "безстудном поношении" и "клевете" со стороны своего корреспондента, который объявил его "отступником" от христианской веры, однако он смело отстаивал свои взгляды, уподобляя своего оппонента "детищу младу во училищи бывшему", который "выуча аз до буки, а прочих не требует"[2]. Угрозы влиятельного оппонента его, следовательно, не пугали.

Вопрос позволяют выяснить материалы о побеге И.И.Бегичева в документах архива Посольского приказа[3]. И.И.Бегичев бежал из Москвы 28 июня 1643 г. по Калужской дороге и 3 июля был уже с двумя слугами ("сам - третей") на территории Речи Посполитой в Дорогобуже[4]. Вопрос о причинах побега затронут в тексте образца грамоты, посланной из Москвы, чтобы требовать выдачи Бегичева. В

[I] ЦГАДА, ф. 210 (Разрядного приказа). Боярские книги. Кн. 3. л. 82об.

[2] Чтения ОИДР, 1898, кн. П, отд. П, с. 5.

[3] Это сохранившиеся в составе одного дела (ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. 1643 г. № 4) отписка русского гонца И.Плакидина, посланная в Москву в июле 1643 г. из пограничного Дорогобужа и подготовленный в Москве образец грамоты вяземских воевод в Смоленск от 14 июля 1643 г.

[4] ЦГАДА, ф. 79, 1643 г. № 4, лл. 62-63.

тексте налицо многочисленные следы правки, связанные с тем, что традиционный формуляр, в котором речь шла о "ворах" и "баламутах" для данного случая не годился. Бегичев в грамоте обвинялся в том, что он "отступя православные крестьянские веры, впал в жидовскую веру и многих тому учил" и бежал в Речь Посполитую, боясь за это "жестокого наказанья и смертные казни". Вяземские воеводы должны были просить воеводу Смоленска сообщить королю Владиславу IУ, "чтоб ему про того богоотступника было ведомо, што он, Ивашко, впал в жидовскую веру"[1].

Учитывая, что оппоненты Бегичева - автора послания также называли его "отступником" от христианской веры, идентификацию автора послания со стольником Иваном Ивановичем Бегичевым можно считать окончательно установленной. Тем самым открывается возможность для воссоздания биографии древнерусского писателя первой половины ХУП в.

А.И.Яцимирский, говоря о И.И.Бегичеве как одном из возможных авторов послания, ограничился сведениями, приведенными о нем П.И.Ивановым в его указателе к боярским книгам, составленном в середине XIX в.[2]. С того времени круг сведений о нем практически не расширился. И.И.Бегичев происходил из дворянской калужской семьи[3], которая еще в сер. ХУI в. принадлежала к провинциальному дворянству (ее представителей не было ни в Тысячной книге, ни в

---

[1] Там же, л. 63.

[2] Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853, с. 54.

[3] В грамоте о его выдаче назван "колужениным сыном боярским". В Куплинском стану Калужского уезда находились его вотчины и поместья, конфискованные после бегства - ЦГАДА, ф. 1209 (Поместного приказа). Отказные книги, № 11.606, лл. 313-325.

Дворцовой тетради). Единственным представителем рода, дослужившимся до воеводских чинов, был Давыд Бегичев, занимавший место воеводы в Крапивне в 1575-1579 гг.[1]. Младшим братом этого Давыда был "Денисей", прадед Ивана Ивановича Бегичева[2]. Накануне смуты его дед, "колуженин" Кузьма, занимал весьма скромные служебные посты - в 1604 г. он был головой "х козельским к новым засекам"[3], а в 1605 г. был послан в Михайлов "для осады"[4].

Во время "Смуты" государев двор резко расширился за счет притока лиц из верхов провинциального дворянства. Одним из таких возвысившихся в период "Смуты" дворянских родов были и Бегичевы. Вероятно, именно тогда для защиты своих прав на новый сословный статус они создали легенду о своем происхождении от ордынского мурзы Бегича, воевавшего в 1378 г. с Дмитрием Донским[5]. Отец Ивана Ивановича, Иван Кузьмич прибегал и к другим традиционным способам утверждения своего положения, вступая в местнические споры с представителями дворянских семей, входивших в состав двора уже много десятилетий (с Г.Загряжским, С.Колтовским, Н.Мещерским)[6]. Проигрыш этих местнических споров не помешал ему в 1620-

---

[1] Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966, с. 268, 288, 297.

[2] Родословную роспись Бегичевых см. в местническом деле И.К.Бегичева с Г.К.Загряжским - ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 16, ст. 1, л. 8.

[3] Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974, с. 166.

[4] Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, с. 115, 132, 194.

[5] Лихачев Н.П. Разрядные дьяки. СПб., 1888, с. 425.

[6] Часть местнического дела с Г.Загряжским см. ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 16, ст. 1; о решении дела см. Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, стб.543-544; о местническом деле с

1624 гг. занять важный пост "судьи" Холопьего приказа, с которого он ушел ради не менее почетного назначения - послом в Турцию[1]. По сравнению с отцом, служившим товарищем воеводы в одном из южных городов, это была блестящая карьера.

Несомненно благодаря служебным успехам отца Иван Бегичев начал свою служебную карьеру в 1623-24 гг. с зачисления в состав стольников патриарха Филарета[2], составлявших особую группу в составе царского двора[3]. Поездка в Стамбул кончилась для И.К.Бегичева трагически. На пути в османскую столицу он был убит отложившимися от Османской империи татарами[4]. Трагическая смерть отца стала причиной служебного повышения сына. В ноябре 1625 г. И.И.Бегичев был пожалован в царские стольники "за службу" и за убийство отца его (отец его в прошлом 132 году убит в Кафее от крымских людей)[5].

С.Колтовским см. Дворцовые разряды, кн. I, стб. 450-451; Книги разрядные, т. I. СПб., 1853, стб. 727-728; о споре с Н.Мещерским см. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки... Приложения..., с. 53.

1 Книги разрядные, т. I, стб. 727, 1027. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946, с. 203-204.

2 Время зачисления Бегичева в патриаршии стольники указано в Боярской книге 1627 г. (Боярская книга 1627 года. М., 1986, с. 51).

3 Люткина Е.Ю. Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова. - Социальная структура и классовая борьба в России XVI-XVII вв. М., 1988.

4 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948, с. 126 и сл.

5 ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 48, л. 105. Документ любезно указан Е.Ю.Люткиной.

Как царский стольник он упоминается в боярских книгах 1636 г. и 1639 г.[1]. Судя по более поздним отсылкам[2], в боярской книге 1626 г. И.И.Бегичеву был назначен оклад 400 четей и 15 руб. денег. С этим же окладом он записан и в Боярской книге 1639 г. Поскольку за успешное выполнение военных, дипломатических или административных служб стольники неоднократно получали прибавки к своим окладам, то можно сделать вывод, что ни на одном из этих поприщ И.И.Бегичев не отличился. Ряд упоминаний о нем в Разрядных книгах и Записных книгах Московского стола Разряда связан почти исключительно с участием в придворных церемониях[3]. Единственное известное сейчас исключение - участие И.И.Бегичева в составе посольства, заключившего в 1634 г. с представителями Речи Посполитой Поляновский мирный договор. 5 июля 1634 г. стольник вместе с другими членами посольства присутствовал на устроенном по случаю благополучного заключения мира "столе" у царя[4]. Возможно, контакты, возникшие в то время как-то повлияли на его решение бежать в Речь Посполитую.

Ценность материалов из архива Посольского приказа состоит

---

[1] ЦГАДА, ф. 210. Боярские книги, кн. 3, л. 40об.; кн. 4, л. 87об.

[2] Боярская книга 1627 года..., с. 51; ЦГАДА, ф. 210. Боярские книги, кн. 2, л. 82 об.

[3] Дворцовые разряды, т. II, стб. 463 (1635 г.), 577 (1638 г.), 938, 946, 971 (1639 г.); Записные книги Московского стола - Русская историческая библиотека, т. 10. СПб., 1886, с. 93 (1637 г.), 139, 144, 171 (1639 г.), 222 (1640 г.).

[4] Записные книги Московского стола - Русская историческая библиотека, т. 9. СПб., 1884, стб. 562.

также в том, что в них содержится сообщение, как объяснял причину своего побега сам И.И.Бегичев. По его словам, он "отъехал... для того, будто говорил с патриархом о вере в спор и царское величество велел было ево за то смирить"[I]. Таким образом, причиной его бегства были споры не с коллегами по службе, а с самим главой русской церкви - патриархом Иосифом.

Начавшиеся споры дворян привлекли, по-видимому, внимание этого иерарха, перед которым Бегичев продолжал отстаивать свою точку зрения, не смущаясь святительским авторитетом, чем и вызвал гнев и патриарха и царя.

Уже А.И.Яцимирский, анализируя послание, показал, что для обвинения стольника в "отступничестве" от христианской веры не было никаких серьезных оснований, а предложенные им толкования библейских текстов находились в согласии с традицией православной церкви[2]. С явным сомнением были восприняты обвинения Бегичева в "жидовстве" и в Речи Посполитой. Отвечая 8 августа (н.ст.) 1643 г. на грамоту вяземских воевод, подвоевода смоленский Петр Вяжевич выражал совсем иные впечатления от своего общения с Бегичевым: "на што ж бы тот Бегичев, не будучи жидом, до жидовские веры передался, не мочно было таковаго крестьянина правдиваго межи жидами сыскивать"[3]. Владислав IУ поручил стольника заботам референдаря литовской канцелярии Франциска Исайковского[4], а позднее он был у короля "учинен честным человеком и маетности ему даны"[5]. Вряд ли все это могло бы иметь место, если бы в Речи По-

[I] ЦГАДА, ф. 79, 1643 г., № 4, л. 131.
[2] Яцимирский А.И. Указ. соч., с. У-УI.
[3] ЦГАДА, ф. 79, 1643 г., л. 67 и сл.
[4] Там же, л. 132.
[5] ЦГАДА, ф. 79, кн. 68, л. 362об.

сполитой серьезно отнеслись к его обвинениям в "жидовстве".

К этому стоит добавить, что, как установил уже И.Е.Забелин, среди конфискованного имущества "отступника" были иконы с изображениями не только Деисуса или Казанской божьей матери, но и русских святых – Макария желтоводского, митрополитов Петра, Алексея и Ионы [I].

Наконец, и сами последующие действия Бегичева (о которых будет сказано ниже) показывают, что побег не был с его стороны актом сознательного разрыва со своим обществом и господствовавшим в нем вероучением.

Материалы посольских дел позволяют пополнить биографию И.И.Бегичева и новыми, неизвестными ранее фактами, касающимися его пребывания в Речи Посполитой. Первый такой факт – это совершенное И.И.Бегичевым вскоре после отъезда путешествие из Речи Посполитой в Данию. Об этом путешествии сохранилось два свидетельства. Первое – в статейном списке "великого посольства" А.М.Львова и Г.Г.Пушкина в Речь Посполитую. 3 августа 1644 г., когда "великие" послы просили сенаторов не верить "ссорным речам" Бегичева, те ответили, что Бегичев "ныне из Польши поехал в Датцкую землю" [2]. Вторым свидетельством может служить собственное письмо И.И.Бегичева, которое открывается словами "в прошлом во 152-м году, приехав из Датцкия земли до Кракова..." [3]. Никакими другими сведениями о путешествии мы пока не располагаем, и о его целях можно высказывать лишь предположения, сопоставляя этот факт с тем поступком, который совершил Бегичев по возвращении из

[I] Забелин И.Е. Заметка..., с. 6-7.

[2] ЦГАДА, ф. 79, кн. 67, л. 642.

[3] Там же, ф. 79, 1644 г., № 4, л. 203.

Дании в Речь Посполитую.

10 сентября 1644 г. он встретился в Варшаве с дворянами посольства А.М.Львова Племянниковыми. Дворянам Бегичев "говорил с великим плачем, что перед государем виноват, ... государю изменил, боясь наказанья жестоково". Теперь он раскаивается в своем поступке и "изыскивает времяни, как бы ему отъехать" на родину[1].

В доказательство истинности своих намерений он передал дворянам письмо, оригинал которого - автограф Ивана Бегичева, сохранился в делах Посольского приказа[2]. Письмо содержало сведения об объявившемся в Речи Посполитой самозванце, выдававшем себя за Ивана "Киразейского, боярина думного и наместника Вологодского", с которым Бегичев встретился в Кракове после возвращения из Дании. Бегичев смог установить, что его настоящее имя - Тимофей, а "по его Тимофеевым речам" он должен быть "либо Посольского приказу или Нижгородцкой четверти дьяк или подьячий". Он ошибался не очень сильно, так как самозванец был в действительности подьячим Новой чети Тимофеем Анкудиновым - впоследствии одним из самых крупных политических авантюристов ХУП века. Для правительства особую ценность должны были представлять сообщения Бегичева о сообщнике Анкудинова, холопе не менее известного авантюриста Григория Подреза Плещеева. Этот холоп сопровождал Тимофея во время его бегства из Москвы в феврале 1644 г., а затем вернулся обратно, чтобы привезти самозванцу "договорную запись и иныя писма... которыя надобны будут в Польше".

Этот поступок, предпринятый Бегичевым всего через год после отъезда и в условиях, когда он был материально обеспечен, пока-

---

[1] ЦГАДА, ф. 79, 1644 г., № 4, л. 201.

[2] Там же, л. 203.

зывает, что Бегичев не считал свой конфликт с русским обществом принципиальным, не чувствовал себя "вероотступником" и стремился вернуться в свою привычную среду. Вероятно, и его поездка в Данию представляла собой попытку добиться помилования с помощью датского короля Христиана IУ, сын которого, Вальдемар, в январе 1644 г. прибыл в Москву для заключения брака с дочерью Михаила Федоровича.

Письмо Бегичева, по-видимому, убедило русские власти в его искренности и он получил разрешение вернуться. Об этом свидетельствует помета против его имени в боярской книге 1639 г. "153-го из Литвы приехал наз(ад) к Москве"[1]. Следовательно, он покинул Речь Посполитую не позднее сентября 1645 г. Уточнить время его отъезда позволяет "вестовой список" русского гонца Е.Юрьева, вернувшегося из Речи Посполитой в Москву 21 апреля 1645 г. В его "вестовом списке" уже встречаем сообщение о толках, которые вызвал среди польской шляхты отъезд И.Бегичева в Россию[2].

В июне 1646 г., т.е. более чем через год после его возвращения, Ивану Бегичеву "по подписной челобитной за приписью думного дьяка Ивана Гавренева" были возвращены отобранные ранее иконы[3]. 13 июля 1647 г. ему была возвращена и отписанная на государя калужская вотчина[4]. Осенью 1648 г. он подал царю челобитную с просьбой отпустить его в деревню ("а без твоего, государева, указу съехать с Москвы не смею") и 1 октября получил нужное раз-

---

[1] ЦГАДА, ф. 210. Боярские книги, кн. 4, л. 87об.

[2] ЦГАДА, ф. 79, кн. 69, л. 362об. и сл.

[3] Забелин И.Е. Заметка..., с. 7.

[4] ЦГАДА, ф. 1209 (Поместного приказа). Отказные книги, № 11606, л. 403 и далее.

решение[1]. I[illegible] ноября I65I г. бывшая вотчина И.И.Бегичева была отдана его двоюродному брату и племянникам[2]. Вероятно, И.И.Бегичев умер бездетным незадолго до этой даты.

---

[1] ЦГАДА, ф. 2I0. Столбцы Московского стола, № 64I, л. 290.

[2] Отказные книги, № II,606, лл. 658-662.